

По следам мечты / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

По следам мечты / рассказ ПО СЛЕДАМ МЕЧТЫ

Внезапно я проснулся утром. Кто-то звал меня громким голосом. Голос доносился с улицы.

– Дядя Нурмат, – поприветствовал я, открыв ворота и увидев соседа, одетого не по сезону.

– Я... я... – сказал он торопливо, – я давно звал вас. Замерз от холода. Давайте зайдём внутрь.

Несмотря на то, что дядя Нурмат был семидесятилетним, очень худым, низкорослым человеком, ещё не выпал ни один волосок на его голове. Жил он бобылем. Жена его умерла много лет назад, оставив его одного с детьми. Кроме навещающих двух дочерей, не было ни одного родственника, который бы заботился о его состоянии.

Он был актером, сыгравшим за всю жизнь только второстепенные роли, посредственным человеком, чья мечта воплотить на сцене героев Шекспира превратилась в навязчивое желание. Этот человек, чья единственная значимая роль в театре была роль Бобчинского в спектакле «Ревизор», был искренним, свободным от присущего пожилым людям упрямства, добродушным и энергичным. В таком возрасте у него ничего не осталось, что бы попросить у жизни, и не за что было роптать на судьбу. Но почему-то, несмотря на сорокалетний опыт, на сцене он держался неуверенно и из-за этого, говорят, не мог сыграть роль старого короля Лира по известной пьесе Шекспира.

– Вчера много раз репетировал, сосед, – сказал он, из-за холода вбежав в комнату раньше меня и греясь возле печки. – Не получилось. Не подходило. В тот момент сам себе сказал: как можно репетировать вот так, вечером? Я должен репетировать утром, проснувшись рано. Я думаю, это верное решение. Потому что вчера вечером четыре раза повторял монолог несчастного короля в последней сцене. Вышло неудачно. А утром исполнение покорного вашего слуги получилось гораздо лучше.

Говоря об этом, он потирал руки одна о другую.

– Можно сяду на стул? – продолжал сосед. По-видимому, его тело согрелось, и он отошел от печки. – Смотрите. Я вот так сидел. Не прямо. А немного сгорбленно. Потому что король Лир так сидит. Он старый, обессиленный. Его руки всегда трясутся. Из-за этого он не сможет крепко обнять мертвое тело дочери. Более того – он широко открывает глаза, не желая верить в его безжизненность.

Он раскрыл глаза, как хотел, вытащил из кармана камзола сильно помятый листок бумаги. В конце концов, приняв положение короля Лира, он начал читать печальный монолог, подсматривая в листок.

– Мне нужно поработать над некоторыми недостатками, – сказал он, закончив исполнение монолога. – В основном придется поработать

над этой последней сценой. Это – самая сложная часть.

Он встал со стула, подошел ко мне и, воровато оглянувшись, зашептал:

– Даже великие актеры еле-еле выполняли эту последнюю сцену. Я должен серьезно подходить к монологу и выучить его. До каких пор буду носить письменные монологи с собой? Если сегодня-завтра вернусь в театр, ни в коем случае не буду читать монолог по листочку.

Он, почесывая висок, перевел дыхание.

– Я должен решить эту проблему. Я пошел домой.

Он торопливо выразил мне признательность за просмотр его репетиции и, сжимая в кулаке листочек с монологом, выбежал из комнаты.

После его ухода я вышел на улицу, тепло одевшись. Я целый день проработал в городской библиотеке. Листая книги, собирал сведения для моей научной работы о литературе Латинской Америки. Когда возвращался домой к вечеру, опять встретил дядю Нурмата возле ворот. Он нетерпеливо стучал в них кулаком. Он был одет так же, как пару часов назад.

– Ах, вы не дома? – сказал, увидев меня.

– Пошел в библиотеку, – ответил я, показав на книги.

– Сегодня ходил в театр, – сказал он, не обращая внимания на книги. Хотел посоветоваться с директором о возвращении на работу. Долго ждал его возле кабинета. Но он не приходил. Завтра еще раз пойду. Скажу ему, что решил вернуться на работу: сыграю роль короля Лира.

Когда на следующий день я проходил мимо его дома, окно на улицу открылось, затрещав рамой, и из него выглянул дядя Нурмат.

– Сосед, – закричал он, помахав рукой. – Встретился с директором вчера вечером: он пришел. Я сказал ему о своем намерении. Он слушал меня внимательно и лестно отозвался о моем возвращении. Но, по-видимому, эта работа откладывается надолго, потому что, дескать, сейчас нет вакантного места в театре. Он сказал, что известит меня по телефону, как только появится вакансия...

В течение следующих трех дней дядя Нурмат не приходил ко мне. А когда я наконец его встретил, он выглядел очень раздраженным.

– Мерзавки, мерзавки, – повторял он беспрерывно.

Он сидел возле печки, как обычно. Рассказывая, сильно жестикулировал.

– Мои дочери пришли, – в его голосе звучали нотки ярости, не присущие его характеру. – Сказал им, что я вернусь в театр, но они не одобрили мою идею. Сказали, что я стар и не могу работать как прежде. Дескать, теперь я не могу работать. Нет, этого не произойдет! Сейчас самое подходящее время, чтобы сыграть короля Лира. И мой возраст подходит. Королю Лиру было около семидесяти лет.

Вдруг он воспрянул, заходил по комнате из стороны в сторону, отведя руку за спину.

– Ведь вы видели, правильно? – сказал он, внезапно остановившись передо мной. – Вы лицезрели, что я могу сыграть короля Лира, что я глубоко изучил его душевное состояние. Слышали своими ушами, как выразительно читал монолог. А они даже не видели, не слышали. Дочери огорчили мою душу, сказав безжалостные слова.

Я поднял голову, отвлекшись от описаний портрета Марио

Бенедетти. Это была одна из частей моей научной работы.

Я не мог работать, когда дядя Нурмат был таким нервным. В это время закипела вода в электрическом чайнике. Я заварил чай.

– Чай повышает давление, – сказал дядя Нурмат. Он не хотел пить и поставил чашку на подоконник.

– Дядя, может, ваши дочери говорят правду, – сказал я, выпив чай до конца. Потом грустно посмотрел на остаток чая, который остался на дне чашки.

Дядя Нурмат смотрел на меня печально.

– Они ничего не знают.

Здесь я снимал жилье. Визиты к родителям иногда откладывались из-за работы в институте, так как наука отнимала много времени. Поскольку я взял отпуск от работы на кафедре, теперь у меня появилась возможность чаще их навещать.

– Завтра еду в деревню, – сообщил я, почувствовав, что дядя Нурмат немного успокоился. – Навещу родителей, на два-три дня, может на неделю.

Он кивнул – как будто сказал «ладно».

– До того времени позвонят мне из театра.

Я пробыл в деревне две недели. Холодная погода января казалось там еще холоднее. Я продолжал научную работу, не выходя из дома из-за холода. Дни протекали скучно, и я переводил на узбекский язык рассказы Бенедетти. Сильный снегопад случился за день до моего возвращения в город. Снегу было по колено. Дороги скользкие. Не только ходить пешком, но даже ездить в машине стало опасно, трудно. Двигались так медленно, что казалось, будто спидометр такси не работает из-за малой скорости. Когда я вышел из машины около моего дома, заметил карету скорой помощи возле ворот дяди Нурмата, шофер в которой не двигался, съезжившись за рулем. Спустя некоторое время из дома вышел фельдшер с чемоданом для медицинских инструментов в руках и сел на переднее сиденье. Карета медленно тронулась вверх по дороге. Рассчитавшись с таксистом, я пошел к дому дяди Нурмата, даже не зайдя к себе. Когда я вошел, его старшая дочь Зарифа как раз доставала воду из колодца и поприветствовала меня. Я справился о ее делах, здоровье и

вошел в дом. Дядя Нурмат лежал на кровати, вперив взгляд в потолок. Его голова была обмотана белым бинтом.

– Вчера он сильно напился и поскользнулся на снегу, – сказала Зарифа. – Затылок повредил.

Я сел на стул возле кровати, положив вещи поодаль.

– Еще не позвонили мне из театра, – сказал дядя Нурмат, увидев меня.

Наступило короткое молчание. Я оглядел комнату. Нерастопленная печка, шкаф с покосившейся дверцей, в котором стояли около двадцати книг, пружинная кровать и старый стул. На подоконнике на незашторенном окне стоял старый телефонный аппарат, возле него пустая бутылка вина, груда листов и использованные шприцы лежали вразброс. В комнате было так холодно!

– Сосед, – сказал беспокойно дядя Нурмат, увидев, что я принес дрова со двора для печи. – Взгляни на телефонный аппарат, что, проволока сорвалась?

– Нет, стоит на месте, – сказал я, оглянувшись на телефон. Чиркнул спичками и затопил печь.

– Ну и хорошо, – сказал он с большим удовлетворением, успокоенный моим ответом, – если позвонят из театра, телефон зазвенит.

Вскоре печка растопилась, затрещала дровами. По комнате пошло тепло. Наверное, Зарифа увидела дым от печки и зашла в комнату погреться.

– Я заучивал наизусть все речи и монологи короля Лира, – сказал дядя Нурмат, когда дочь вышла на двор, отогревшись. Он не мог качать головой из-за травмы. Поэтому вращал глазами, когда говорил. – Однако не звонят из театра. Жду каждый день. Нет никаких новостей.

Дядя Нурмат скоро заснул, по-видимому, фельдшер добавил снотворное, когда сделал обезболивающий укол. Младшая дочь дяди Нурмата Замира, как только вошла в комнату, подошла к подоконнику и изодрала разбросанные листки в клочья. Закончив, она села на край кровати, в которой лежал её отец.

– Вы должны ехать в больницу, без возражений, – сказала она, приблизившись к дяде Нурмату, когда тот проснулся. Дядя Нурмат удивленно смотрел то на нее, то на старшую дочь, которая

принесла чай в комнату.

– Я не хочу в больницу. Скоро мне позвонят из театра.

Дочери покачали головой, услышав его слова.

– Не позвонят, – сказала Замира, глубоко вздохнув, – вы знаете, почему вам не звонят? Потому что вы не нужны им. Там есть десятки актеров, которые могут сыграть роль короля Лира. Все они один талантливее другого. Режиссеры не дают вам эту роль, отдавая ее им. Вам не давали главную роль, когда вы там работали, вы думаете, что сейчас охотно дадут?

– Правильно говорит сестренка, – подала голос с порога старшая дочь Зарифа. – Всю жизнь вы мечтали сыграть роль короля Лира. Большая часть вашей жизни и юности была потрачена на осуществление этой мечты. Но – не выпадало на долю. Теперь вы постарели... Вы уже не в том возрасте, чтобы бегать по следам мечты.

Дядя Нурмат тяжело вздохнул, сжимая край постели изо всех сил.

– Вы обе выйдите из комнаты.

После того, как они вышли, он тихо лежал, не отрывая глаз от двери. Когда он заговорил, я не мог определить, говорил ли он сам с собой или со мной.

– Моя жизнь прошла не по следам мечты, а в заботах о дочерях. Утром все мои коллеги приходили в театр чисто одетыми и причесанными, а я заходил в старой одежде, нестриженным, с небритой неделями бородой. Потому что у меня не хватало времени, чтобы прихорашиваться. Я взял под свою ответственность ежедневные заботы о моих дочерях из-за болезни жены. Я заботился о них, умывал, кормил, водил в школу и детский сад, делал уроки вместе с ними, если они заболели, с ними оставался в больнице на несколько дней. Из-за этого не мог работать в театре, как мечтал. Я тоже был талантливым. Но потребовалось много времени, чтобы присматривать за дочерьми. Когда ставили спектакль в театре, получал много раз выговоры от режиссера, потому что не только не мог отлично сыграть отведенную мне роль, но даже не мог запомнить речи и монологи персонажей. Почти не работал над собой, как другие. Не читал

книги, не развивал речь. Двадцать четыре часа в сутки думал только о дочерях. Впоследствии мне перестали давать какие-либо роли. По мнению режиссеров, я обрел репутацию неспособного актера, не подходившего ни к какой роли, совсем безответственного, и меня отстраняли, когда роли распределяли перед спектаклем. Иногда я месяцами ничего не играл. Вручали мне роль лишь изредка и неожиданно, но это были незначительные роли в маленьких непопулярных спектаклях, эпизодические, из двух-трех реплик.

Дядя Нурмат молчал, уныло глядя на телефонный аппарат. Слезы стояли в его глазах и, накопившись, стекали по скулам.

– Моя жизнь никогда не шла по следам мечты, – сказал дядя Нурмат, закрыв глаза.

Вероятно, дрова уже успели догореть, потому что жар от печки ощутимо уменьшился. Я принес со двора еще одну вязанку дров.

Когда я начал подтапливать печь, дверь отворилась и на пороге появился фельдшер, тот самый, которого я видел утром.

– Мы пытались отвезти вашего отца в больницу, – сказал он Замире, оправдываясь, – но он сам не согласился.

– Человек становится таким капризным, когда стареет, – ответила дочь, взглянув со смущением на кровать, где лежал отец.

Двое мужчин осторожно уложили дядю Нурмата на носилки. Он не сопротивлялся. Даже не открыл глаза.

Я подошел к окну, постояв некоторое время в одиночестве в центре комнаты. Обрывки листков, на которых были написаны монологи и реплики короля Лира, разлетелись по подоконнику, некоторые лежали возле бутылки вина и шприца, другие – за телефонным аппаратом.

Мне захотелось немного проветрить и убрать комнату. Увидев Зарифу, стоящую на пороге, я вышел в коридор. Задумчиво стоял там, прислонившись к стене. Вдруг раздался звонок телефонного аппарата. Через некоторое время послышался голос Зарифы, поднявшей трубку:

– Ты уже госпитализировала отца? Я проветриваю комнату, тут везде пахнет.

Шерзод АРТЫКОВ,
(Узбекистан).

Перевод с узбекского Ироды Холбековой. Некаўалар